

Джесси Бёртон

Миниатюрист

Аббревиатура ОИК означает «Ост-Индская компания», основанная в 1602 году. Ее торговые суда бороздили океан между Африкой, Европой, Азией и Индонезийским архипелагом.

В 1669 году ОИК насчитывала 50 000 служащих, 60 акционеров и 17 регентов. К 1671 году акции ОИК на амстердамской бирже ценных бумаг достигали 570% номинальной стоимости.

Благодаря процветающему земледелию и финансовой мощи республики стала расхожей фраза, что голландские бедняки едят гораздо лучше британских, итальянских, французских и испанских. А уж богачи лучше их всех вместе взятых.

Расхищайте серебро, расхищайте золото!

нет конца запасам всякой драгоценной утвари.

Книга пророка Наума: 2, 9

*

И когда выходил Он из храма, говорит Ему один из учеников Его:

Учитель! посмотри, какие камни и какие здания!

Иисус сказал ему в ответ: видишь сии великие здания? все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне.

Евангелие от Марка: 13, 1-2

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вторник, 4 марта 1687

Погребальная церемония обещает быть очень скромной, так как у умершей не было друзей. Но это Амстердам, где слова водой проникают в уши, оседают илом, и в южном приделе Старой церкви не протолкнуться. И мертвые тут как тут: вот каменные плиты под ногами скорбящих, а под плитами штабеля тел, костей, праха. В этой гробовой тьме плоть распадается, и от конечностей чудесным образом остаются только большие и малые берцовые кости. Там же лежат женские челюсти, тазовый пояс купца, полые ребра знатного сановника. Есть и детские тельца, иные не больше буханки хлеба. Скорбящие отводят взгляды от этого сгустка человеческого горя, от этих воробышков. Завидев крошечное надгробие, они спешат его обойти.

Берт, уличный шпаненок, пришедший потолкаться среди толстосумов, а то и подобрать монетку, оброненную в печали, уединился в нишу для молитвы. О ужас, он не одинок. В Амстердаме любой наблюдатель, даже незрячий, находится под наблюдением. Его охватывает короткая паника – кто еще тут прячется? дружинник, вездесущая рука власти? Пальцы шарят по деревянным сиденьям, рот разинут от страха. Вдруг кто-то похлопывает его по плечу, как заговорщик. Пожалуй, женская ладонь: изящная, прохладная на ощупь. Он дрожит, но не сбегает.

Церковный купол уходит ввысь. Великолепный расписной потолок – единственное, что реформаторы не смогли уничтожить – задран над их головами, как нос гигантского корабля. На старинном дереве запечатлен Христос с мечом и лилией, Дева Мария на лунном серпе, ангел-хранитель золотых дел мастеров, разрезающее волны судно. Потолок – зеркальное отражение города, его профессиональных занятий. Внизу же, на гранитных плитах, когда-то были высечены для потомков геральдические вензеля, но в результате

победила водная гладь: исшарканные за многие века могильные плиты лоснятся, скрывая под собой перемешанные останки, навсегда погребенные на дне морском.

Берт слышит, как женщина откидывает разделяющее их сиденье с «престолом милосердия», вырезанным из дерева столетия назад. Пальцы подростка ощупывают фигурку: мужчина, какающий монетами, с лицом, искаженным гримасой боли.

– Что-нибудь случилось? – шепотом спрашивает она, но Берт в ответ смущенно молчит. Необычное поведение женщины, ее акцент, резная фигурка под сиденьем, – все это заставило его напрячься. Деньги и стыд – от такой городской диеты порой случается несварение желудка.

Скорбящие сбились в круг; тут и члены разных гильдий с женами, и клерки ОИК, и капитаны торговых судов, и хлебопеки, и кондитеры, и мужчина в широкополой шляпе. Появляются люди, несущие на плечах гроб с такой легкостью, словно это футляр от лютни; они явно поднаторели, обслуживая покойников. По выражениям их лиц можно догадаться, что кое-кто от этих похорон не в восторге. Скорей бы конец. Обычно эта церемония, как и траурная процессия, четко регламентированы: всем распоряжается бургомистр, а обычный люд выполняет команды, нынче же никто не позаботился о некоем порядке. Попахивает анархией, и если правда то, о чем здесь поговаривают, такой покойницы еще не видели стены Старой церкви, как, впрочем, и Новой церкви, и Западной, и Восточной. Все решили деньги, а значит, эта неординарная смерть должна быть подобающим образом обставлена.

Удивительно, что подобные похороны совершаются здесь, в самом сердце города. Амстердаму брошен небывалый вызов. Сама по себе рискованная процедура выглядит уверенно, продуманно и благопристойно. Щедрому пожертвованию – тупое повиновение; и все же что-то такое тихо закипает под внешним декором.

Круг размыкается, пропуская гроб. В центре, рядом с прямоугольной ямой в полу, молодая женщина замерла в ожидании. Вид у нее измученный, она то поднимает голову